

Считать грачей и плакать

Алексей Саврасов в Третьяковской галерее

ВЫСТАВКА ЖИВОПИСЬ

Коммерсантъ 2 - 2005 - 7 дек. - с. 21

Алексей Саврасов показал русским, какую родину надо любить ФОТО ПАВЛА СМЕРТИНА

В Инженерном корпусе Третьяковской галереи открылась выставка к 175-летию Алексея Саврасова. Посмотрев ее, обозреватель „Ъ“ ГРИГОРИЙ РЕВЗИН растрогался, прослезился и теперь ждет, когда прилетят грачи.

Бывают такие выставки, что, посмотрев их, хочется что-нибудь сделать. А тут уже по ходу просмотра у меня возникло острое желание надеть сапоги, сесть в электричку и уехать куда-нибудь в поля. И чтобы там был снег, но потеплело и расплзлось. Сильного ветра не надо, но ветерок пусть будет, такой непостоянный — туда-сюда, туда-сюда, как дворняжка по деревне. И чтобы небо набрякло, но, однако же, из-за облака дуриком как-то пролез солнечный свет и упал в талую лужу. И чтобы под ногами хлопала вязкая глина, оставляя на снегу коричневые пятна. Чтобы в воздухе было сыро, капало, и капля протекла за шиворот и, постепенно согреваясь, там лежала. Еще нужен запах, тревожный запах оттаявшего гниения. Потому что раз растаяла помойка — значит, все, пришла весна. И еще хочется выпить. Водочки. Не много, а так, чтобы брести по мокрести, загребая сапогами липкую влажную грязь, и на душе было горько и сладко.

А нам, хмурым жителям бледно-зеленых равнин, такая погода нравится. Может, ко-

му не нравится, а нам нравится! Бредешь куда-то, чего-то тащишь такое, что можно и выкинуть, а можно и нести, вечереет, слякоть, деревья кривые, птицы мокрые нахлопнулись, дома подгнившие вросли в хлопьяющие ямки — и хорошо как-то. Почему хорошо, так вот не скажешь, а хорошо. И опять же хочется выпить. Водочки.

А вот почему нам это нравится? Я, скажем, водки почти не пью, горожанин, жизнь такая, что машина-офис-компьютердуш, с расхлябанной природой практически не соприкасаюсь, а как вот увижу, чувствую: не могу. Хочется. Причем замечено, что в других странах такого не бывает. Не бывает, чтобы в Италии набрякло и rassюпонилося, и в Швейцарии такого не бывает, а в Англии бывает, но без лиризма. Там все очень сухо рассупонивается, чопорно и меркантильно. А это наше, русское. Как за капает, сразу за душу берет.

Удивительная история. Между нами говоря, отвратительная погода. И земля грязная, и пройти никуда невозможно, не говоря уже проехать на хорошей машине, и холодно, и мокро, и деревья какие-то больные, и куры мокрые, и избы — безнадежное настроение. Кто-то нас научил, что вот это — наше все, кто-то нам это рассказал, убедил, и теперь у нас это врожденное.

Вот на выставке Алексея Саврасова и понимаешь, кто это был. Там очень хорошо видно, как он это делал. Это ведь только кажется, что художник приходит в природу и рисует что видит, на самом деле он приходит и долго ищет, где то, что его научили видеть. Пейзажиста учат видеть другие пейзажисты, в случае с Саврасовым — сначала итальянские и французские. И вот сначала, в 1850–1860-е годы, он приходил в Россию и видел Италию или Швейцарию. Бывают, например, на Волге такие места, что вот песок, и вода, и лодка — словом, все как в Сорренто. Только солнце тусклее. Или под Москвой бывают такие места, что лес широколиственный, поле, взгорок, корова вдалеке — прямо Франция или Швейцария, барбизонская школа. Так даже говорят иногда про места вдоль Рублевки — «русская Швейцария». Только у них там кучерявые облачка, а у нас обложные тучи и все такое посерее. Но похоже.

А потом, к началу 70-х, вдруг прилетели грачи, и он вдруг понял, что вот это потусклее, посерее, помокрее и есть наше. По структуре, по сюжетам у Саврасова ровно такой же пейзаж, как в Швейцарии или Италии (позднее добавилась Германия): дорога на первом плане, потом средний план с деревьями, вдали небеса сполыми и какая-нибудь церковка, только дорога у него всег-

да размытая, грязная, деревья кривые, хиленькие, церковка кривоватая, не готический собор, а сарай с маковкой, небо заволкло облаками. Зато через облака как-то сбоку пролезло солнце и землю высветило. Так что если в европейском пейзаже небо светлое, а земля темная, у нас наоборот.

Понимаете, он придумал, что Россия — такая страна, где пусть небо серое и все какое-то не как в Европе, зато бывает такое состояние, оттепель, когда земля светится изнутри солнечным светом. И с тех пор оттепель стала нашим счастьем и даже национальной идеей, и мы целые исторические периоды так называем. И вот идешь по этой выставке и думаешь: а жалко, что искусство реализма схрысло. Потому что когда оказывается, что эту мокрую гадость, грязь, гниль и слякоть кто-то вдруг полюбил, то все вокруг этому научаются, и оказывается, что ничего красивее русской природы в мире нет. А если этого человека не случается, то оказывается, что это страна с ужасным климатом. И его уже давно не случается, кругом перформансы и видеарт, а через них Россию полюбить трудно, потому что они не могут показать, чего любят. Поэтому как придешь на выставку Саврасова, то так это неожиданно, так свежо смотрится, что прямо дух захватывает. И сразу хочется попросить в поля и чтобы прилетели грачи.